

ДВА ДОКУМЕНТА О ЧЕРНЫШЕВСКОМ ИЗ АРХИВА III ОТДЕЛЕНИЯ

Публикация С. А. Макашина

1

Ниже печатается полный текст выписки из письма одного студента Казанского университета к другому от 5 апреля 1856 г. Выписка была сделана при перлюстрации письма и доложена Александру II. Публикуемый документ не является совершенной новинкой. Цитаты из него уже были приведены в книге Г. Н. Вульфсона и Е. Г. Бушканца «Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах» (Казань, 1955, стр. 19, 23, 24). Однако документ был использован там неполно — лишь как материал для характеристики кружка революционно настроенных казанских студентов, ядро которого составляли бывшие ученики Чернышевского по Саратовской гимназии. Между тем попавшее в перлюстрацию письмо казанского студента представляет не меньший интерес и в другом отношении. Упоминание имени Чернышевского в письме сопровождается пометкой Дубельта: *«неизвестен»*. Пометка эта оказалась опущенной в публикации Г. Н. Вульфсона и Е. Г. Бушканца. Таким образом, остался не замеченным тот любопытный факт, что до весны 1856 г. высшая политическая полиция царизма была совершенно неосведомлена о Чернышевском и в распоряжении III Отделения не имелось еще никаких компрометирующих сведений о руководителе «Современника». Первые такие сведения власти почерпнули из казанского письма, попавшего в перлюстрацию. В нем неосмотрительно сообщалось о том, как революционно настроенные студенты — «отчаянные либералы» — непосредственные (по саратовской гимназии) и идейные ученики Чернышевского провозглашали тост за своего «просветителя», а затем «воспевали волюность, свободу, бранили всё и всех без пощады, начиная с Н. П.» (то есть начиная с царя Николая Павловича).

Письмо из Казани является, таким образом, документом, в котором зафиксирован момент, когда имя Чернышевского впервые привлекло к себе внимание III Отделения.

Перлюстрационная выписка докладывалась, как сказано, Александру II. Царь наложил на документе резолюцию: «Сообщить выпискою министру народного просвещения, не обнаруживая источника, как о слухах, дошедших до сведения». Распоряжение царя было дано 15 апреля. 20 апреля оно было доведено управляющим III Отделения Л. В. Дубельтом до сведения министра народного просвещения А. С. Норова. Очередной всеподданнейший доклад Норова приходился на следующий день, 21 апреля. Времени для наведения необходимых справок не оказалось, и министр вынужден был ограничиться краткой предварительной информацией:

«Генерал-лейтенант Дубельт, по высочайшему вашему императорского величества повелению, вчерашний день сообщил мне для прочтения письмо некоего Вист..., называющего себя студентом Казанского университета. Ни имени Вист..., ни других со товарищей автора письма не значится в списках Казанского университета и других заведений, находящихся в Казани. Несмотря на то, по поводу этого неистового письма я не замедлю собрать вновь самые положительные сведения о поведении студента. Смеею доложить вашему величеству, что наша собственная университетская полиция недурна...».

Резолюция Александра II, соответствующая этой части доклада Норова, гласила: «Письмо казанского студента только доказывает, что ухо надобно нам держать остро и не слишком доверять *наружному порядку*, а бдительнее следить за внутренним и за нравственностью молодежи» (ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, д. 305, лл. 10 и 25 об.).

Доклад Норова и собранные для этого доклада материалы «О поведении студентов» Казанского университета — последователей Чернышевского — найти пока не удалось.

ВЫПИСКА

ИЗ ПИСЬМА ВИСТ.... ИЗ КАЗАНИ, ОТ 5 АПРЕЛЯ 1856 г.
К СТУДЕНТУ ПОРФИРИЮ ИВАНОВИЧУ ЗАЙЦЕВСКОМУ,
В ГОРЫ-ГОРКИ, МОГИЛЕВСКОЙ ГУБ.

Начиная с Нового года, у нас были славные кутежки. На Новый год мы делали складчину и перепились до зела, так что забыли о Старом годе и Новом. Кутежки наши имеют свой особенный характер: у нас обыкновенно являются разговоры о политике, о свободе и т. п. (известно, что саратовцы и сибиряки — отчаянные либералы); являются тосты — за Н. Г. Чернышевского* первым долгом, потом мы воспевали вольность, свободу, бра-ним всё и всех без пощады, начиная с Н. П. — ну, да ты, я думаю, догадывашься с кого... потому что *не может быть чтобы тебе в душу не запали слова Николая Гавриловича, нашего просветителя***. Ты не подумай, чтобы мы говорили о таких вещах за одними только кутежками; напротив, такие разговоры составляют самое лучшее, самое отрадное препровождение времени. Я говорю не шутя, а серьезно.

Живем мы теперь втроем:— все парни славные, местожительство наше именуется *колонией головастикав***, все мы саратовцы живем между собой истинно-товарищески, исключая одного Виноградова. Тебе безынтересно будет знать устройство Казанского университета. У нас, что называется, подлец на подлеце, говоря собственно про полицейскую часть. Попечитель — дурак набитый, солдафон в полном смысле слова; Плешив (?) или Кучка г<...>а (прозвание попечителя) водится за нос нашим инспектором Ланге (Lanegai), страшным подлецом и мерзавцем, через которого пострадали очень многие, этому скотине неймется, несмотря на то, что во все время пребывания своего в университете получил плюх пять. Помощник попечителя Антропов — скотина препорядочный. Решительно ни в ком не имеешь защиты; везде шпионы да подлецы, да дураки, которые не входят в положение молодости, не соображаются с ее духом. *Был у нас министр, да и того провели***; а то он <...> бы наше начальство за его подлости, особенно за взимание лишних расходов (я здесь говорю про Ланге и еще про эконома, без которого Ланге не может служить, как он выразился по поводу одной истории). Страшно подумать, чтобы в Университете могла иметь место подлость. Спрашивается: какая причина всего этого? Солдафонщина, введенная Н. П. ... Попечитель — солдат, инспектор — из солдат, чего же больше?

Сверху документа — резолюция Александра II и затем заверительная подпись: «Собственно его величества рукою написано карандашом: „Сообщить выпискою министру народного просвещения, не обнаруживая источника, как о слухах, дошедших до сведения“.

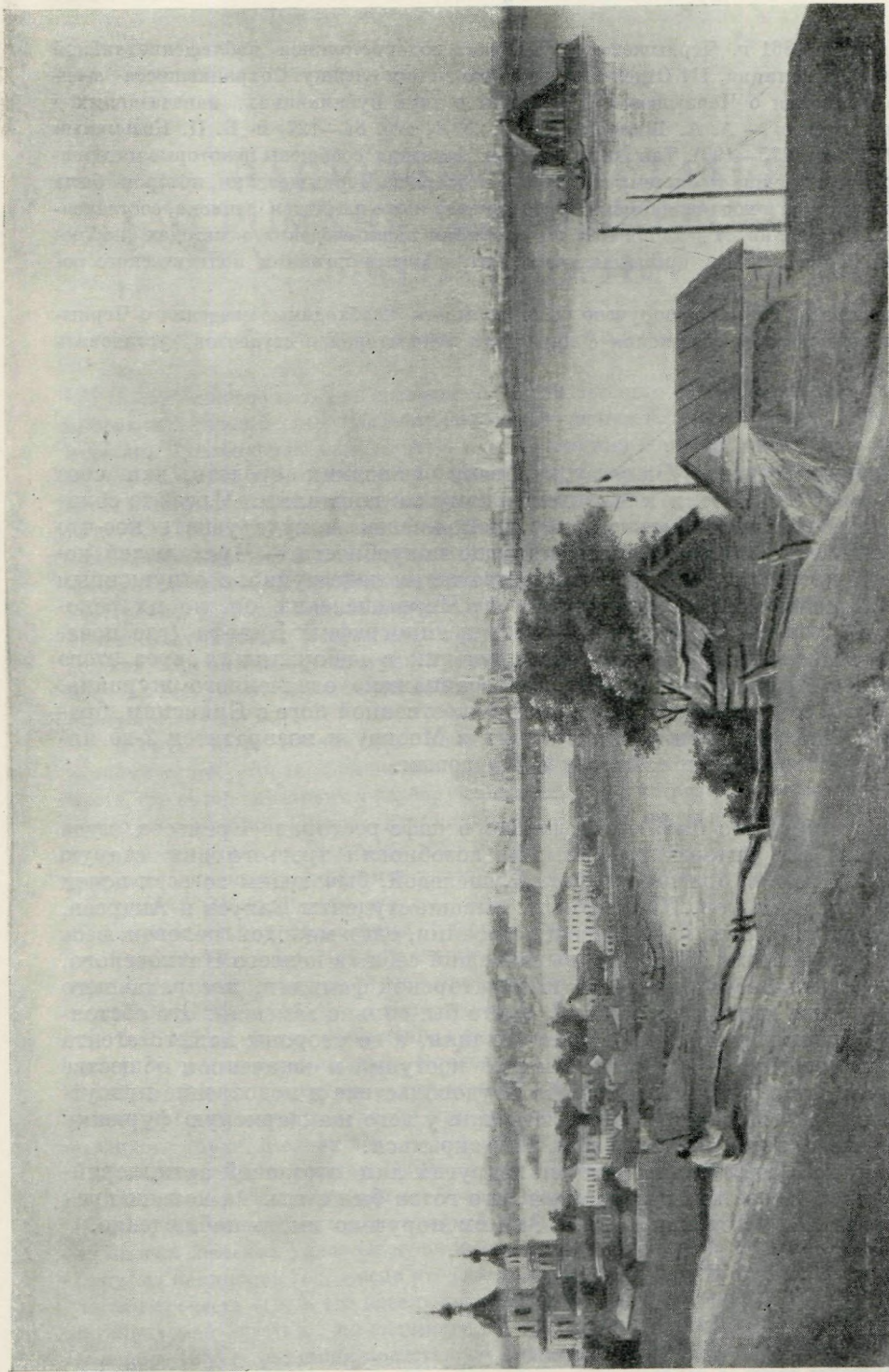
Генерал-лейтенант Д у б е л ь т.

Апреля 15 дня 1856 г.»

ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., № 52 «О беспорядках в Казанском университете», лл. 48—49.

* Рукою управляющего III Отделением Дубельта помечено на полях: Неизвестен.

** Подчеркнуто красным карандашом.— Ред.

КАЗАНЬ. ВИД НА КРЕМЛЬ
Картина маслом А. И. Раковича, 1861 г.
Исторический музей, Москва

В ноябре 1861 г. Чернышевский был взят под постоянное наблюдение тайной политической полицией. III Отделение учредило за ним слежку. Сохранившиеся агентурные донесения о Чернышевском собраны в двух публикациях, напечатанных в «Красном архиве» — А. А. Шиловым (1926, № 1, стр. 84—127) и Б. П. Козьминым (1928, № 4, стр. 175—190). Там же во вводных заметках сообщены некоторые материалы, характеризующие ту систему секретного надзора за Чернышевским, которая была создана и пущена в ход жандармами. Публикуемая ниже памятная записка, составленная в III Отделении 24 декабря 1861 г., дополняет наши сведения о методах наблюдения за Чернышевским, применявшихся центральными органами политического розыска.

Имя агента, которому поручено было добывать необходимые сведения о Чернышевском при помощи сближения с кружками литераторов и студентов, установить не удалось.

№ 614—61 г.

Бывшему студенту Валуеву, человеку без всяких средств, дан чрез агента совет обратиться к Чернышевскому за занятиями. Чрез это сближение представится, быть может, возможность покуда узнать кое-что о собраниях у Чернышевского и другие подробности. — Чрез людей невозможно добиться никакого толку: многое им недоступно, с отпущенным поваром опасно сойтись, потому что от Чернышевских он, по их рекомендации, перешел к Пышину. — Зато в типографию Вульфа (где печатается «Современник») определяется ученик в наборщики, а чрез этого произойдет нужное сближение с «метранпажем» означенного журнала. Кроме того, агент сошелся на самой дружественной ноге с Брянским, братом г-жи Панаевой. Он уехал на днях в Москву и возвратится 2-го января. Тогда тотчас же сойдутся с Панаевым.

Агенту поручено бывать ежедневно в кафе-ресторане Еремеева, куда собираются все литераторы. Там он возобновил третьего дня старую дружбу с Кролем, братом графини Куселевой, бывающим во всех почти кружках литераторов. Притом были: бывшие студенты Валуев и Андреев, литераторы Толбины и др. Между прочими, один молодой человек, весь лысый, с маленькою бородкою, выдававший себя за некоего Пятковского, офицера стрелкового батальона императорской фамилии, пострадавшего за студентское дело, в котором он, будто бы, сильно замешан. Это обстоятельство причинило ему разные чествования, а со стороны нашего агента особое наблюдение. — Но господин этот поступил в означенном обществе неосторожно, за что навлек на себя неудовольствие и подозрение присутствовавших, в особенности когда заметили у него жандармскую фуражку и такое же пальто. Он вынужден был скрыться.

В том же обществе литераторов и других лиц отставной артиллерийский офицер Несветович выразился, что готов был стать на колени пред Михайловым и боготворит его. — За ним поручено иметь наблюдение.

24 декабря 1861.

ЦГИАМ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 209.